СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ

ВАСИЛИЙ ПЕСКОВ

ВОЙНА И ЛЮДИ

Солдаты Победы

Василий Песков

Война и люди

«Алисторус»

2010

Песков В. М.

Война и люди / В. М. Песков — «Алисторус», 2010 — (Солдаты Победы)

Сорок лет назад публикация Василия Пескова о маршале Жукове в «Комсомольской правде» стала настоящим событием. Газету передавали из рук в руки, читали вслух, беседу перепечатали зарубежные издания. По словам журналиста, его сверхзадачей было обстоятельно представить людям человека, несправедливо и незаслуженно попавшего в опалу власти, но и, конечно, хотелось узнать, что думает Жуков о минувшей страшной войне. Тогда Георгий Константинович получил тысячи писем. Это было подтверждением: народ его помнит, любит, понимает его огромную роль в войне, гордится им.В этой книге известнейшего писателя и журналиста, лауреата Ленинской премии война открывается читателю с разных сторон: из Ставки Верховного Главнокомандующего и из окопа. Его герои – от маршала до солдата Великой Отечественной – люди поразительных судеб и великого мужества. Это маршалы Жуков и Василевский, писатель Константин Симонов, летчик-герой Михаил Девятаев, организовавший побег из фашистского концлагеря, угнав с секретной базы самолет, фронтовые разведчики и рядовые… Пронзительны по своей драматичности и откровенности письма девятнадцатилетнего сержанта Павленко. Волнующе и просто рассказывает автор о том, что значила война для людей его поколения, чье отрочество пришлось на военные годы.

© Песков В. М., 2010
© Алисторус, 2010

Содержание

Я помню… 5
Брестская крепость 12
Народный маршал 15
О нашей победе 17
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Василий Михайлович Песков
Война и люди

Я помню…

Обычный коробок спичек. Я нашел его неожиданно, отодвинув ящик стола. Стол этот в отцовском доме забыли. Когда переехали жить на станцию из села, старый стол поставили в угол чулана. Там он, крытый тряпьем, связками старых журналов и всякой всячиной, отслужившей свой век, простоял много лет. Копаясь в тронутом червоточиной выдвижном ящике, я обнаружил жестянку похожих на гвоздики патефонных иголок, обнаружил значок с надписью «Ворошиловский стрелок», футляр отцовских карманных часов. В столе лежали пакет порошка «от желудка», картонный елочный заяц, изношенный рубль довоенного образца, самодельное шило, моточек пропитанной варом дратвы… И этот коробок спичек.

Обычный коробок. Обычный, да не совсем! На желтой морщинистой этикетке, в том месте, где бывает рисунок, наискосок стояли три строчки, очень знакомые строчки:

Наше дело правое!
Враг будет разбит!
Победа будет за нами!

Спички 41-го года! Я достал одну из коробки. Зажжется? Зажглась.

И вот уже все в доме – отец, мать, сестра – разглядывают находку. Всем интересно. Но только мама может припомнить… Я гляжу на нее: неужели не вспомнит? Вспомнила!

– Это ж с той осени…

Не ждите рассказа о пущенном под откос поезде, партизанском костре или даже о перекуре во фронтовом блиндаже. Спичками из коробка не поджигали бикфордов шнур, и вообще ничего из ряда вон выходящего не стоит за находкой в столе.

Той осенью по дороге из Воронежа на Тамбов через наше село Орлово двигалась большая пехотная часть. Вспоминая сейчас бесконечную серую ленту людей, идущих под осенним дождем, невольно ежусь от холода. Грязь, непролазная черноземная хлябь, и по ней гуськом, заткнув за пояс полы мокрых шинелей, движутся люди. Усталые. Молчаливые. Куда? Почему? Мальчишкам заботы и горе взрослых понятны не в полную меру. Мы бегали на большак менять на морковку и лежалые груши пилотки, ремни, звездочки, пряжки и были довольны, что в школу ходить не надо – в ней разместили больных солдат.

Не помню уж, сколько дней двигалось войско. Но только поздняя слякоть сменилась вдруг зимним морозом. Помню стук в окна: «Хозяйка, пустите хоть в сенцы». – «Все занято, идите дальше!» – отвечал вместо матери пожилой лейтенант. И он говорил правду. В избе и в сенцах на соломе вповалку один к одному лежали люди. Плакала на руках у матери маленькая сестренка. Нечем было дышать от взопревших у печки мокрых портянок, шинелей и гимнастерок. Но уморенные люди были рады теплу и месту. Все спали.

Голод тоже был спутником отходившего войска. Помню, как перед сном солдаты делили на столе аккуратно порезанный хлеб. «Кому?» – кричал веснушчатый младший сержант. Солдат, отвернувшийся к стенке, быстро ему отвечал: «Сухову… Тимофееву…»

Утром мать намыла чугун картошки и чугун свеклы – покормить постояльцев, и послала меня добыть огоньку. Это было простое дело: выходишь на улицу, смотришь, из чьей трубы идет дым, – туда и бежишь с железной баночкой за углями.

– Ты это куда? – спросил лейтенант, увидев меня на крыльце.

Я объяснил. Лейтенант полез в кирзовую сумку и достал спички:

– На, отдай матери.

(До сих пор сохранился на коричневом ребрышке коробка след от спички, которой в то утро была растоплена печь.)

Чугун картошки и свеклы солдаты опорожнили в один момент. Мать стояла у печки и говорила: «Ешьте, ешьте, я еще сварю, ешьте…»

Коробок спичек с той осени сохранился, конечно, случайно. Его положили в укромное место как некую непозволительную роскошь, как драгоценный запас огня на какой-нибудь случай. И вот мы держим его в руках. Тридцать четыре года… Все мы взволнованы. После очередной передачи о приключениях в Берлине Исаева – Штирлица мы собрались на кухне около печки, но в этот раз не о Штирлице разговор. С удивлением и большой радостью наблюдаю, как много может всколыхнуть в памяти маленькая реликвия. Отец вспоминает. Сестра.

Мама говорит так, что я жалею: нет магнитофона записать все, что она говорит. И мне тоже есть что припомнить.

Много сказано о войне. Но, может быть, любопытно услышать, что помнит о ней человек, бывший всего лишь подростком…

Запомнилось окончание и начало войны. Но так же хорошо помню уход отца на войну и возвращение его. Уходил он вместе с односельчанами в жаркий день августа. Километров пять я шел, держась за руку отца, в гуще людей. Помню, отец сказал: «А теперь возвращайся». Он достал из мешка кусок сахару: «Возвращайся. И помогай матери».

Оглядываясь, я видел, как отец скорым шагом догонял пыливших по дороге дядю Семена, дядю Егора, дядю Сергея, дядю Тараса…

Возвращался отец тоже летом. С проезжавшей мимо полуторки кто-то радостно крикнул: «Встречай батьку!» Я побежал к станции и в поле встретил сильно, как мне показалось тогда, постаревшего отца. На груди у него позванивали медали. За плечами – мешок. В одной руке – старенький чемодан, а в другой – патефон.

На нашей улице, увидев отца, многие бабы заплакали. Я понимал, что это значит, – уходившие вместе с отцом на войну дядя Семен, дядя Егор, дядя Сергей и дядя Тарас не вернулись.

Из гостинцев, какие отец разложил на столе, мне больше всего понравились цветные болгарские карандаши с надписью на коробке «Моливчета» и болгарский же кустарной работы патефон – фанерный ящик, обтянутый бумагой, напоминавшей обои.

Я побежал в сельскую лавку купить пластинки. Их не было там. Но продавщица, увидев мое отчаяние, порылась на полках и одну разыскала. «Моцарт. Турецкий марш», – прочел я название музыки. На другой стороне тоже был марш, но Бетховена… До позднего вечера в нашей избе гремели два эти марша. Мы с сестрой точили на брусочке патефонные иглы, снова и снова крутили пластинку…

Года два назад на концерте, услышав объявление ведущего: «Моцарт. Турецкий марш», я вздрогнул. Для меня не просто музыкой был этот марш.

Близко войну я не видел. Но она была рядом. Летом и осенью 42-го года горел занятый немцами Воронеж. Фронт был всего в двадцати километрах. Днем над «тем местом» стояла черная пелена дыма, а ночью небо становилось багровым. Было видно, как взлетают ракеты, как повисают и медленно опускаются вниз какие-то необычные яркие огни, были видны красные, желтые и зеленые трассы пуль. Мы с другом стелили постель на пологой крыше сарая и не со страхом, а с любопытством наблюдали за этим огненным небом.

Над селом к фронту помногу раз в день низко пролетали штурмовики – тройками, самолетов двенадцать-пятнадцать. Спустя полчаса тем же путем низко, прямо над крышами, они возвращались назад. Иногда их было уже не двенадцать, а девять-десять…

Воздушные бои истребителей. Взрывы случайных бомб. (Осколок одной, упавшей за огородами, врезался в нашу дверь.) Массированные бомбежки железной дороги (от села в пяти километрах), передвижение танков, автомобилей с пушками на прицепе, скопление войск в заповедном лесу – такой была полоса возле фронта. Вспоминая то лето и осень, дивлюсь отсутствию у людей страха. В первые дни войны, когда фронт был у Минска, было куда беспокойнее. Люди вязали узлы, заклеивали окна бумажными полосами, ночью маскировали каждую щель в окнах. Теперь же война была почти у порога, и жизнь тем не менее протекала своим чередом – каждое утро пастух Петька Кривой гнал пасти коз, и председатель колхоза Митрофан Иванович сам обходил избы: «Бабы, нынче на молотилку!»

Есть такое понятие: «обстрелянный солдат» и «необстрелянный». Если эти слова понимать шире, то в 42-м году все люди, вся страна, солдаты и женщины, дети и старики, были «обстрелянными». Все так или иначе участвовали в войне, понимали, что скоро она кончится, что дело очень серьезно и жаловаться на трудности некому. Мать находила все же слова нас подбодрить: «Мы-то в тепле. А как там отец…»

Глядя сейчас на карту, вспоминаю: географию начинал изучать не в школе и не по книжкам. Большая страна узнавалась по сданным и отбитым потом у врага городам. Минск, Смоленск, Киев, Севастополь… В ту осень, когда горел Воронеж, я узнал, что где-то совсем недалеко есть Сталинград. Не помню, чтобы кто-нибудь на нашей улице получал газеты, радио тоже не было. И только в разговорах этот город упоминался все чаще и чаще. С легким ранением, но совершенно седой, в село мимоходом из госпиталя забежал наш дальний родственник. Он получил ранение под Сталинградом и возвращался опять туда. Помню его слова: «Там ад».

В письмах отца раза два поминалась Волга, и мы догадывались: он тоже там. Мать, зажигая по субботам лампадку, молилась. Мои представления о боге в то время были неясными. На всякий случай мысленно я тоже просил рисованного Спасителя, строго глядевшего из-за лампады, не забыть про отца.

В церкви в нашем селе была пекарня. Отсюда машинами доставляли хлеб фронту. Из колодца у речки Усманки два усатых солдата в больших деревянных чанах возили в пекарню воду. Мы, ребятишки, помогали солдатам управляться с ручным насосом и получали за это в день полбуханки пахучего теплого хлеба.

От солдат-водовозов я впервые услышал, что, возможно, всем, кто живет в селе, придется эвакуироваться. И этот слух подтвердился. 1 сентября не открылась школа. А позже село в какие-нибудь две недели опустело. До этого у нас жили беженцы из Воронежа и Смоленска. Теперь сами мы испытали, как тяжело расставаться с домом. Выселяли нас, правда, всего лишь в соседнее село. Но день, когда клещами закрутили проволоку на дверном запоре, был для меня самым тяжелым за всю войну.

Нам дали лошадь. Помню возок со скарбом. Наверху сидят сестры (старшей – девять годов, младшей – три). Мама с братишкой на руках пытается втиснуть в поклажу оцинкованный тазик и решето. Сзади к телеге привязали козу. Старшему сыну надо было править этим возком.

Местом нашего назначения было село «Паркоммуна» (официально – «Парижская коммуна», а совсем просто – «Парижа».) С благодарностью вспоминаю хозяйку избы тетю Катю (стыдно, забыл фамилию), приютившую нашу орду. Всем нам – хозяйке с семьей и ее постояльцам – в одной-единственной комнате было тесно. Спали на печке и рядком на полу. Полынью глушили блох. По субботам топили баню. Из одного большого чугуна ели толченую картошку, запивая ее чуть подсоленным квасом. И ждали писем. Ах, как ждали в те годы писем!

Тетя Катя получала их аккуратно. Вслед за поклонами: «А еще привет куме Даше…», «А еще привет куме Вере» было и к нам участие: «А еще привет «выкуированным». Живите дружнее». Одно из радостных воспоминаний о тех временах: жили, и правда, сердечно, сплоченно, помогали друг другу, делились всем, чем могли.

О доме, однако, я думал все время. От «Паркоммуны» до родного села было всего восемь верст. И, конечно, трудно было не соблазниться глянуть: а что там сейчас, зимой?

Придя в село, я поразился тишине и безлюдью. Почти во всех домах были заложены окна, в кирпичных стенах низко, у самой земли, пробиты бойницы, от дома к дому прорыты траншеи. Теперь хорошо понимаешь: в селе была подготовлена линия обороны на случай, если бы фронт у Воронежа не устоял.

Хотелось взглянуть на наш домишко. Но я не дошел до него. Из хаты на большаке вышел военный: куда это мальчик идет и откуда? Выслушав меня, немолодой уже капитан (таджик или узбек) задумчиво похлопал рукавицей об рукавицу и поманил за собой в дом. Сидевшему возле печки солдату он что-то сказал. Тот поставил на стол котелок щей, нарезал большими ломтями хлеб. Пока я ел, капитан молча разглядывал мою шапку и варежки, потом полез в стоявший на лавке мешок, достал из него завернутый в бумажку желтоватый мягкий комочек какой-то еды и протянул мне: «Это понравится. Ешь». То была сушеная дыня. Второй раз это лакомство я попробовал двадцать два года спустя в Самарканде, и, конечно, сразу же вспомнил доброго капитана. Капитан сказал мне тогда зимой: «Ходить в село пока запрещается. Возвращайся. Матери можешь сказать: скоро домой!»

Теперь я думаю, капитан говорил со мной так потому, что знал хорошие новости. Новости эти шли из Сталинграда. Капитану уже было известно, «кто там кого», и он поделился с мальчишкой радостью.

Назад, в «Паркоммуну», по снежной дороге я не шел, а летел. И хотя новость моя – «скоро домой!» – была туманна и непонятна, мама сразу же побежала во двор, где тетя Катя колола дрова. Потом вдвоем они пошли к соседке. Потом мама побежала на другой конец села к тете Поле, жившей рядом с нами в Орлове. А дней через десять утром кто-то нетерпеливо постучал к нам в окно: «Немца выбили из Воронежа!» В тот же час мы с матерью нагрузили салазки дровами – и скорее, скорее в Орлово!

Наш домишко для обороны не приглянулся, все уцелело в нем. Мы протопили печку. И к вечеру на тех же салазках привезли двух сестер и братишку… Это было 25 января 1943 года – еще даже не середина войны.

Все самое дорогое в воспоминаниях связано с именем матери. С расстояния в тридцать пять лет особенно ясно видишь, какая ноша легла ей на плечи. Общие на всех взрослых военные тяготы, но, кроме того, – четверо ребятишек! (Старшему было одиннадцать.) И, по сложившимся обстоятельствам, ни карточек, ни пайков. Одеть детей, накормить, научить, уберечь от болезней… Какую великую силу духа надо было иметь в те годы женщине-матери, чтобы не впасть в отчаяние, не растеряться, в письмах на фронт не обронить тревожного слова.

Вспоминаю мамины письма к отцу. Она их писала печатными буквами, и на письмо уходила обычно целая ночь. Худые вести на фронт в те времена не шли. Мы сообщали отцу, сколько дает коза молока, кто пришел раненый, какие отметки в школе… По письмам выходило: живем мы сносно. Да и самим нам казалось: сносно живем – в тепле, одеты, обуты, не голодаем. И только теперь, понимая цену всему, знаешь, какими суровыми были эти уроки жизни для матери и для тех, кто в войну только-только узнавал жизнь.

Огонь добывали, либо бегая с баночкой за углями туда, где печь уже затопили, либо с помощью кремня и обломка напильника. Освещалась изба коптилкой. В нее наливали бензин, а чтобы не вспыхнул, почему-то бросали щепотку соли. Не больше щепотки – соль была драгоценностью: 100 рублей за стакан. Мыла не знали. Одежду стирали золой и речным илом. Сама одежда… На ногах, я помню, носил сшитые матерью из солдатской шинели бурки и клеенные из автомобильной резины бахилы. Рубашка была сшита из оконной занавески, а штаны – из солдатской бязи, окрашенной ветками черноклeнника и ольховой корой.

Кормились в основном с огорода. Картошка, огурцы и свекла были нашим спасением. С хлебом же было так. Из колхоза зерно под метелку отправляли для фронта. Нам доставались лишь оброненные при уборке колосья. Целый день, не разгибаясь, собираешь колосья в мешок, сушишь, бережно растираешь в ладонях. Зерно потом веяли и мололи на самодельной мельнице – «терке». Я убежден: тот, кто держал в руках ломоть таким вот образом добытого хлеба (часто с примесью лебеды, свеклы, желудей), имеет верную точку отсчета в определении разного рода жизненных ценностей.

Тепло в доме доставалось тоже большим трудом, по нынешним представлениям, просто каторжным трудом. Пять километров до леса, полем, пять – лесом (чтобы найти сухостойный дубок или сосну). Таким образом, десять – в один конец и десять – обратно с тяжелой ношей. Чтобы не слишком болело плечо, жердину или вязанку дров обертывали травяною подушкой. И все равно: скинешь у дома ношу – к плечу нельзя прикоснуться. И это была обычная забота тринадцатилетних мальчишек. Однако не единственная забота. Маме приходилось работать на поле. И хотя дома руки ее удивительным образом до всего доходили и все успевали, нам с сестрой доставалась немалая часть забот: с весны до осени ухаживать за огородом (от него целиком зависело наше существование), готовить сено козе, добывать топливо, носить воду, варить еду, собирать колосья, молоть зерно, нянчить маленьких. И делалось это все помимо учебы в школе, помимо домашних уроков, помимо того, что нас, школьников, водили на колхозное поле (пололи просо, убирали свеклу, молотили подсолнух). Так война диктовала законы жизни и для детей.

Может странным кому-нибудь показаться, но я ничуть не сетую на судьбу, вспоминая эти четыре года. Прокручивая сейчас назад ленту уже более чем сорокалетней жизни, взвешивая, где, когда и чему научился, без колебания говорю: главная школа жизни приходится на эти годы.

Суровые, требовательные годы совпали для нас, военных мальчишек, с возрастными законами воспитания человека. Глубоко верю: уроки мужества, труд и трудности сейчас для подростков также необходимы. Их надо сознательно культивировать (в семье, в лагере, в школе) подобно тому, как физкультурой мы восполняем отсутствие естественного физического труда. В нужное время, в нужных дозах, с оправданной степенью риска обязательно надо учить человека тому, что жизнь от него непременно потребует.

Возможен вопрос: «Закалка, трудности… А детство? Во имя грядущих лет не лишится ли человек детства?» Опыт жизни говорит: нет! Конечно, были в войну ситуации (и немало их было!), когда подросток ставил под ноги ящик, рядом со взрослыми точил на станке снаряды, известно: мальчишки участвовали в партизанских боях. Тут все проходило по счету взрослого человека, и сама жизнь обрывалась (все было!) в тринадцать лет.

Но, вспоминая свое тоже нелегкое детство, я все же вижу его. Оно было! Было со всеми свойственными этому возрасту радостями. Хватало времени на забавы, на всякие выдумки, игры. Те же хождения в лес за дровами… Конечно, несладкое дело – подняться с постели в четыре утра, нелегка была ноша по пути к дому. Но было кое-что и другое. В лесу открывался мальчишкам огромный таинственный мир. Этим миром ватага из пяти-шести человек пользовалась в полную меру фантазии, любопытства и предприимчивости.

И была еще в нашем владении речка. Купали лошадей, доставали раков из нор, в половодье катались на льдинах (за это перепадали нам подзатыльники), ловили рыбу. На зимний Николин день дрались «на кулачки» – стенка на стенку по правилам – с мальчишками соседней Боддиновки. (Традиция, иссякшая только после войны.) Познакомились близко мы и с оружием. (Находки в прифронтовом лесу.) Стреляли из автомата, из винтовки, в логу взрывали гранаты и шашки тола… И удивляюсь сейчас: никто из нас не утонул, не упал с дерева, не подорвался, опасно не обморозился, не отбился от рук.

И не скажу, что росли мы дичками. Ходили в школу. И много, поразительно много читали. Книги, конечно, были случайные. Но если говорить о КПД их работы, он был огромным. Читали с жадностью! За хорошей книжкой всегда была очередь. И было заведено: прочел – расскажи! Так мы менялись книжками и тем, что узнали из книжек. И бывало еще: читали вслух, по очереди. Так, помню, мы проглотили «Приключения Гулливера», «Как закалялась сталь», «Человек-амфибия», «Айвенго», «Дерсу Узала». Если б в то время кто-нибудь нам сказал: через десять-пятнадцать лет можно будет дома сидеть у ящика с экраном и видеть, что происходит за тысячу километров, мы бы ни за что не поверили. Теперь, наблюдая мальчишек при передаче «Клуба кинопутешествий», я завидую им, но в это же время с благодарностью вспоминаю сидения у коптилки. Они нам что-то оставили в душах, эти зимние вечера у коптилки!

Что еще прорастало из детства? Думаю, наблюдательность, желание все испробовать, всему научиться. В те времена нельзя было ждать, что нужную, необходимую вещь ктонибудь в дом принесет и житейское дело кто-то исполнит! За все брались сами. Учились у взрослых и друг у друга, самолюбие подгоняло: Петька может, а я почему же?

Не бог весть какими сложными были наши дела по хозяйству. И все же. Вспоминаю, что мы умели. Мы – это пять одногодков и одноклассников с одной улицы: Петька Беляев, Володька Смольянов, Васька Миронов, Ваня Немчин и я. Мы умели косить, починить валенки, вставить в ведерко дно, почистить дымоход в печке, заклеить бахилы, умели наладить пилу, наточить косу, подправить крышу, сделать лестницу, грабли, сплести лукошко из хвороста, намесить глину для штукатурки, навьючить воз сена, смолоть зерно, остричь овцу, почистить колодец, нагнать на кадку лопнувший обруч. Чернилами по обойной бумаге писали плакаты для школы и сельсовета. В колхозе мы знали, как надо управиться с молотилкой. Научились ходить за сохой в огороде. И в конце концов догадались сделать тележку с колесами от плужка, облегчившую наши походы в лес за дровами… Такова несложная грамота жизни, которую и надо было освоить.

И если уж все вспоминать, то надо вспомнить и балалайку… Апрель, 1945 год. На просохшей проталине около дома маленький хоровод. Не хоровод даже, а так – собрались ребятня, три старухи сидят на завалинке, пришедший с фронта без ноги парень, ну и, конечно, девушки, ровесницы тех ребят, что ушли воевать. Веселья не было. Грызли семечки. «Под сухую» пели частушки. («Под сухую» – это значит без музыки: не было ни гармошки, ни балалайки.)

– Господи, неужели нельзя добыть какую-нибудь завалящую балалайку! Ребятишки, ну отняли бы у болдиновских…

Скажи это другой кто-нибудь, я бы слова мимо ушей пропустил. Но это сказала она…

В прошлом году я встретил ее случайно в Воронеже. Поздоровались, поговорили о новостях, вспомнили, кого знали. Она сказала:

– А я вас по телевизору видела. Шумлю своим: это же наш, орловский…

– А помнишь, – говорю, – балалайку?

Нет, она не помнила.

…Тогда, весной, мне вдруг страшно захотелось добыть для нее балалайку. Ну хоть из-под земли, хоть украсть, хоть в самом деле отнять у болдиновских. Я выбрал самый тернистый путь: решил сделать.

Опустим недельную муку необычной работы… Однажды вечером я пришел к хороводу, робко держа за спиной балалайку. Мое творение сработано было на старой фанере, на струны пошли стальные жилки из проводов, лады на ручке были из медной проволоки. Краски, кроме как акварельной, я не нашел. А, в общем, все было как надо. Да иначе и быть не могло – так много стараний и какого-то незнакомого прежде чувства вложил мальчишка в эту работу.

Сам я играть не умел и передал балалайку сидевшему на скамейке инвалиду-фронтовику. Тот оглядел «инструмент», побренчал для пробы, подтянул струны. И чудо-юдо – балалайка моя заиграла. Заиграла!

Первой в круг с озорною частушкой вырвалась о н а. И пошла пляска под балалайку.

– Ты сделал?!

Я не успел опомниться, как она, разгоряченная пляской, схватила мою голову двумя руками и звучно при всех поцеловала. Это был щедрый, ничем не обязывающий поцелуй взрослого человека – награда мальчишке.

А мальчишке было тогда пятнадцать. Мальчишка, не помня себя, выбрался из толпы и побежал к речке. Там он стоял, прислонившись горячей щекой к стволу ивы, и не понимал, что с ним происходит. Теперь-то ясно: у той самой ивы кончилось детство. Детство… Оно все-таки было у нас, мальчишек военных лет. Оглядываясь назад, я вижу под хмурым небом этот светлый ручеек жизни – детство. И наклоняюсь к нему напиться.

1975 г.

Брестская крепость

22 июня… Двадцать девять лет назад началась война…

С годами подробности больших событий постепенно теряются. Память хранит только узловые драматические моменты. Заговорите о нашествии Наполеона – и сразу вспомнятся Бородино, пожар Москвы, Смоленская дорога. От последней войны не забудутся сражение под Москвой, Сталинград, Севастополь, ленинградская блокада, Курская дуга, Берлин. И это – 22-е число в июне…

Под обвалами Брестской крепости найден будильник. Ему не суждено было прозвенеть утром 22 июня. Помятые взрывом стрелки остановились в четыре часа. За пятнадцать минут до этого немецким репортером сделана фотография: офицеры штаба Гудериана в ожидательных позах возле границы. Светает. Пятнадцать минут до начала войны… Гудериан вспоминал потом: «Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов…»

Первую минуту нашествия видели не спавшие пограничники. Из них мало кто уцелел. Уцелевшие рассказали: «Впереди, за пограничной чертой, на западном крае чуть светлевшего неба, среди звезд, вдруг появились красные и зеленые огоньки. Они усеяли собой весь горизонт. С их появлением оттуда, с запада, донесся рокот множества моторов. Сотни самолетов с зажженными бортовыми огнями стремительно пересекли границу». А в это время в Брестской крепости у чьей-то кровати мирно двигались стрелки будильника…

Что было потом с крепостью, никто не мог рассказать. И только случайно во время войны из захваченных документов немецкого штаба стало известно: «Русские и Брест-Литовские боролись исключительно упорно, настойчиво, они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к борьбе». И более позднее свидетельство немецкого генерала: «Там мы узнали, что значит сражаться по русскому способу». Заметим, речь идет не о Сталинграде, не о Курской дуге и Севастополе. Речь идет о самой первой минуте, о первых неделях войны…

На снимках Брестской крепости мы видим обычно лишь малую центральную часть ее. Мысленно надо продолжить и замкнуть кольцом двухэтажный кирпичный пояс казарм. Разрушенная церковь-клуб стоит в центре почти двухкилометрового кольца цитадели. Сегодня кольцо во многих местах разорвано.

До сорок первого года оно было сплошным, с тремя воротами. Крепость окружена водой двух сливающихся в этом месте рек: Западного Буга и Мухавца. На двух островах, прилежащих к острову-цитадели, – продолжение крепости: валы, мощные укрепления, обводные каналы. Когда-то здесь стоял город Брест. Его перенесли в сторону и на этом очень выгодном для обороны месте поставили крепость.

Прошло сто тридцать лет со дня окончания громадного по тем временам строительства. Крепость со множеством укреплений, валов, казематов и подземных каменных сооружений была неприступной, пока существовали гладкоствольные пушки. Постепенно крепость теряла неуязвимость. С появлением авиации и тяжелых фугасных снарядов крепость перестала быть крепостью в старом понимании слова и была местом расположения армейского гарнизона. Стоит крепость на самой границе. Лента воды отделяет ее от зарослей, в которых немцы в канун вторжения накапливали артиллерию, пехоту и средства для переправы. Нельзя сказать, чтобы с нашего берега этого не заметили. Кое-кто из командиров открыто говорил о близости войны. Но из Центра приходил неизменный приказ: «Сохранять спокойствие, усилить наблюдение» – Москва хотела всеми силами оттянуть роковой день, не дать повода к нападению. 21

июня в Брестской крепости были пойманы переодетые в красноармейскую форму диверсанты. Позже оказалось: в крепость проникло большое число диверсантов.

В ночь на 22 июня они резали электрические провода, занимали выгодные позиции для стрельбы…

«22 июня под утро я поднялась покормить годовалую девочку. Тронули выключатель – лампочка не зажглась. Я прилегла – и вдруг гром, свет, рама упала на пол… Муж, схватив портупею с наганом, успел только поцеловать меня и сказать: «В подвал! Детей держи возле себя. Война…» Больше я его не увидела…» Этот маленький эпизод первой минуты войны я записал со слов Лидии Михайловны Крупиной, приехавшей из Магадана «навестить места 41-го года».

Считаное число людей осталось в живых из тех, кто был участником или свидетелем героической драмы. По их рассказам, по найденным в развалинах останкам, оружию и документам прояснилась после войны картина многодневной схватки на берегах Буга и Мухавца. Глядя на снимок, мы можем представить сейчас место, где на резиновых лодках после артиллерийской бомбежки переправились немцы. Они ворвались в ворота цитадели. Сразу же захватили ставшую теперь руинами церковь-клуб. Отсюда удобно было держать под обстрелом двор цитадели. Отсюда гитлеровцы вели по радио управление артиллерийским огнем. И казалось – все! К половине дня, как намечалось планами, крепость падет. Но после первых минут замешательства крепость вдруг ощетинилась огнем и штыковыми ударами.

И все пошло не так, как наступавшие предполагали. Пришлось отказаться от лобовой атаки и начать осаду. Фронт ушел далеко на восток, а тут, возле самой границы, били тяжелые, полуметрового калибра пушки. Самолеты бросали двухтонные бомбы, в перерывах между бомбежками вкрадчивый голос из репродуктора уговаривал сдаться. Но как только все утихало и поднимались немецкие автоматчики, крепость давала бой. Силы были неравными. Против самолетов, против танков и тяжелых орудий у осажденных были только винтовки и пулеметы. Кое-где не хватало даже винтовок.

Люди не знали, как сложилась война. Окруженные со всех сторон, первые два дня они ждали помощи. Радисты беспрерывно посылали в эфир позывные, пока не кончилось питание в батареях. Потом стало ясно: смерть придется встречать в этих стенах. Было несколько попыток прорваться. Возвращались, оставляя убитых товарищей. Так день, и два, и три… Есть кадры немецкой хроники: дым, обвалы, обезумевшая белая лошадь в дыму и тени автоматчиков. Немцы несли большие потери. Эта «крупная остановка» на фоне победного наступления по всем фронтам их раздражала. И с каждым днем все тяжелее становились удары снарядов и бомб.

Все меньше защитников оставалось в крепости. Тут вместе с ними были дети и женщины, тут же умирали раненые. Кончились патроны. Не было пищи, не было воды. Вода текла от стен в десяти метрах, но добыть ее было нельзя. Смельчаков, ночью рискнувших ползти к берегу с котелками, сейчас же настигали пули. Пробовали рыть в казематах колодцы, на веревках бросали в реку простыни, подтянув назад, выжимали из них в котелок грязную жижу. Из-за гари, пыли и трупного смрада невозможно было дышать. Но как только немецкие автоматчики поднимались, обреченная крепость открывала огонь. Уже пал Минск. 16 июля немцы вошли в горящий Смоленск, а крепость продолжала бороться.

В десятки раз превосходящие силы немцев расчленили оборонявшихся, но не могли их сломить. К бойницам и амбразурам подвели огнеметы. Нельзя без содрогания думать о том, что было в подземных казематах. Кирпич от огня и тот плавился и застывал черными сосульками. Крепость истекала кровью, но не сдавалась.

До двадцатых чисел июля в крепости не стихали взрывы гранат и выстрелы. Кое-где огонь вели уже одиночки, оставлявшие для себя последний патрон. На стенах спустя три года мы

прочитали последние слова, обращенные к нам: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20/VII-41».

Это было только начало войны.

Никакой памятник не может сообщить человеку большего волнения, чем изуродованные взрывами, изъеденные пулями и осколками, опаленные красные кирпичи крепости. Стена цитадели местами исчезла, местами проломлена. Приходящему сюда покажут, где было зарыто знамя полка, где у стены был расстрелян немцами комиссар Фомин, покажут похожий на огромную подкову героический Восточный форт, которым командовал человек удивительной воли и мужества – майор, ныне Герой Советского Союза Петр Гаврилов. Стоят в центре крепости величественные руины церкви-клуба. Камни и кирпичи поросли березками и бурьяном. Гулкий и жутковатый холод идет из подвалов. После сильных дождей то в одном, то в другом месте вдруг оказываются позеленевшие патроны, белые кости, оружие…

Из семи тысяч стоявших тут насмерть в живых осталось немногим больше трехсот человек. Все они после войны побывали в крепости. Встречались и узнавали друг друга. Видавшие эти встречи рассказывают: седые, немолодые теперь уже люди, обнявшись, рыдали и становились на колени около опаленных стен…

В крепости каждый год бывает полмиллиона людей. Тут проводятся слеты и встречи. Но мы все еще недостаточно хорошо поняли, как велика цена этих красных развалин. Они нам дороже любого мраморного дворца.

Тут не надо наводить лоск, делать дорожки и цветочные клумбы. Но надо, не скупясь на затраты, бережно сохранить эти стены. И они будут вечно служить делу, во имя которого люди умерли тут летом 41-го года.

1970 г.

Народный маршал

С маршалом Георгием Константиновичем Жуковым я встречался не один раз. Начало всему положила первая встреча 27 апреля 1970 года. Приближалась 25-я годовщина Победы. Очень хотелось поговорить с одним из главных ее творцов. Но существовали сложности. Имя маршала было в тени. В юбилейные даты Жукова вспоминали, но с какой-то странной осторожностью, дозированной осмотрительностью. В то же время вышла и пользовалась громадным успехом книга его мемуаров. В те дни меня к Жукову влек обостренный человеческий интерес и в немалой степени очищение попранной справедливости. Одним словом, ко дню 25-летия Победы хотелось поговорить именно с Жуковым.

С благодарностью вспоминаю Вадима Комолова. В прошлом журналист «Комсомольской правды», и много сделал, работая в издательстве АПН, чтобы книга Георгия Константиновича «Воспоминания и размышления» увидела свет при жизни маршала. Я попросил Вадима: нельзя ли познакомиться с Жуковым?

И вот 27 апреля 1970 года мы едем на подмосковную дачу. Лесное, уютное, тихое место с двухэтажным домиком за оградой. С большим волнением переступал я порог. Все хотелось запомнить, заметить… Позже я несколько раз бывал в этом доме. Но и теперь ощущаю волнение той первой встречи.

Из глубины большой залы вышел, помню, опираясь на палочку, седой уже, подкошенный временем человек. Приветливо поздоровался, посмотрел внимательным взглядом, предложил чаю.

Знакомясь, говорили о новостях, о погоде, о наступающем празднике. Минут через десять-пятнадцать перешли к делу. Я сказал, что газета для нашей беседы готова предоставить целую полосу, что все, чего мы коснемся, будет показано до публикации маршалу. Жуков кивнул. Часть вопросов в письменном виде я передал ему ранее, на другую половину вопросов он отвечал в ходе живой беседы. Я пользовался только блокнотом и очень жалею об этом. Магнитная запись сохранила бы голос дорогого нам человека, его манеру говорить, мыслить.

Беседовали часа три. Я спрашивал, Жуков отвечал, иногда уточняя вопрос. В одном месте, помню, он вдруг поднял брови: «Василий Михайлович, но это вопрос для ротного командира…» Я возразил: «Мы хотим показать вас не только маршалом, но и человеком».

После беседы фотографировались. Жуков подарил на память мне книгу, показал только что полученное издание ее из Парижа. Уезжали мы уже в темноте.

Запись беседы мы решили показать Георгию Константиновичу не отпечатанной, как принято, на машинке, а уже набранной в типографии и сверстанной в газетную полосу с фотографией, заголовком. Взглянув на оттиск, Жуков сдержанно улыбнулся: «Вот так и напечатаете?..» – «Да, с вашими поправками, Георгий Константинович». Жуков, помню, неторопливо надел очки и стал читать, не присаживаясь. Потом, попросив подождать, поднялся на второй этаж. По некрутой деревянной лестнице он шел, держа перед собой газетный лист, и читал.

Минут через сорок опять заскрипели ступеньки. По лицу Жукова мы поняли: возражений нет. Действительно, в набранном тексте было сделано две поправки – в одном месте поставлена запятая, а в самом начале Жуков точнее сформулировал мысль о том, что Сталин, вопреки множеству сведений – «война на пороге», упорно надеялся оттянуть, отодвинуть войну.

Успех публикации в «Комсомольской правде» был громадным. Газету, помню, читали вслух в домах, во дворах. Редакция получила множество откликов. Тысячи писем получил и сам маршал. По ним он почувствовал: народ, страна его помнит, относится к нему с огромным, искренним уважением, понимает роль Жукова в войне и место его в истории.

Позднее я виделся с Георгием Константиновичем при разных обстоятельствах. Он звонил, например: «У меня в гостях товарищи из Монголии. Приезжай и не забудь фотокамеру»…

Из бесед о войне и событиях тех лет считаю долгом привести ответ Жукова на вопрос: как он относится к словам «Сталин руководил войной по глобусу»? Ответ был таким: «Чепуха. Сталин так войну понимал, что даже я иногда склонял перед ним голову. И если в первую половину войны он, случалось, бывал растерянным, делал ошибки, то вторую половину войны он полностью соответствовал тому, что требовала обстановка от его ответственной роли Верховного Главнокомандующего». Это взвешенные слова. Пристально вглядываясь в историю, мы должны трезво и непредвзято все в ней оценивать, иначе «качели» суждений на каждом новом этапе осмысливания прожитого будут кидать нас из крайности в крайность. Немилость после войны, первую немилость, Жуков испытал со стороны Сталина. Обиду он, разумеется, помнил, тем объективней и значительней его слова.

После смерти жены Георгий Константинович почувствовал: дни его сочтены. В последнюю встречу он прямо сказал об этом: «Все. Надо готовиться. Пистолет, саблю, бурку отдал в музеи. Возьми что-либо себе на память». Я стал отказываться. Жуков повел меня в закуток, где хранились его рыболовные принадлежности. «Бери вот это…» Как дорогая реликвия, хранится у меня жестяная зеленого цвета коробка с крючками и блеснами. Одна из блесен из пряжки солдатского ремня сделана самим маршалом…

После смерти Жукова я еще несколько раз писал о нем, обращаясь к его семейному архиву и к людям, знавшим Георгия Константиновича по войне. Несколько очерков публикуются здесь вместе с самой первой беседой.

О нашей победе

Беседа с Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым

– Георгий Константинович, прошло двадцать пять лет со дня окончания войны с фашизмом. Что бы вы сказали о значении нашей Победы молодым людям сегодня?

– Чтобы понять значение нашей победы, надо хорошо представить, что нам угрожало. А под угрозу было поставлено все: земля, на которой мы живем, – фашисты ее хотели отнять; наш общественный строй – для фашистов он был главным препятствием к достижению мирового господства; поставлено под угрозу было существование народов нашей страны. По плану фашистов население занятых территорий подлежало уничтожению или превращению в рабочую силу нацистской империи.

Мы схватились с фашизмом, когда почти вся Европа была им повержена. Мы оставались для многих людей и наций последней надеждой. Мир затаил дыхание в 1941 году: выстоим мы или фашисты и тут возьмут верх? Для нас самих эта схватка была величайшим испытанием. Проверялись жизнеспособность нашей социальной системы, нашей коммунистической морали, сила нашей экономики, единство наций – словом, все, что построено было после 1917 года.

Мы победили. Армия наша не только смела захватчиков со своей земли, но и освободила от фашизма Европу. Колоссально вырос в мире авторитет нашего государства. У миллионов людей на Земле укрепилась вера в социалистический строй. Вот что значила наша Победа.

– Георгий Константинович, всякий раз, вспоминая войну, мы неизбежно возвращаемся к ее началу. Вы были начальником Генерального штаба. Что вы знали о приближении войны? Каким для вас было утро 22 июня?

– О подготовке Германии к войне с нами к середине июня скопилось довольно много сведений. Разумеется, обо всем этом докладывалось Сталину, но он относился к этим сведениям с преувеличенной осторожностью.

21 июня мне позвонили из Киевского округа: «К пограничникам явился перебежчик – немецкий фельдфебель. Он утверждает, что немецкие войска выходят в исходные позиции для наступления и что война начнется утром 22 июня». Мы с маршалом Тимошенко и генерал-лейтенантом Ватутиным немедленно поехали к Сталину с целью убедить его в необходимости приведения войск в боевую готовность. Он был озабочен.

– А может, перебежчика нам подбросили, чтобы спровоцировать столкновение?..

Приказ о приведении армии в боевую готовность был передан войскам в ночь на 22 июня. Работникам Генштаба и Наркомата обороны в эту ночь было приказано оставаться на своих местах. Все время шли непрерывные переговоры по телефону с командующими округов. В 12 часов ночи из Киевского округа сообщили, что в наших частях появился еще один немецкий солдат. Он переплыл реку и сообщил: «В четыре часа немецкие войска перейдут в наступление…»

В 3 часа 17 минут позвонил командующий Черноморским флотом: «Со стороны моря подходит большое количество неизвестных самолетов…»

Война… Я немедленно позвонил Сталину, доложил обстановку и попросил разрешения начать ответные боевые действия. Он долго не отвечал. Наконец сказал: «Приезжайте в Кремль…»

В 4 часа 30 минут мы с Тимошенко вошли в кабинет Сталина. Там уже были все члены Политбюро. Сталин, бледный, сидел за столом с нераскуренной трубкой. Он сказал: «Надо

позвонить в германское посольство…» В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленберг просит принять его для срочного сообщения…

– Итак, приближение войны чувствовалось. В чем же причина промедления с приведением страны в боевую готовность?

– Одна из важных причин состоит в том, что Сталин был убежден: войну удастся оттянуть, удастся закончить перестройку и оснащение армии. Он опасался, что наши действия будут предлогом для нападения.

Судить о моменте, сложившемся перед войной, надо с учетом сложной международной обстановки того времени. Многое было неясным. Англия и Франция вели двойную игру. Они всеми силами толкали Гитлера на восток. Опасаться разного рода провокаций были все основания. Но, конечно, осторожность оказалась чрезмерной. И мы, военные, вероятно, не все сделали, чтобы убедить Сталина в неизбежности близкого столкновения. Вообще есть глубокие объективные причины, предопределившие затяжной характер войны с огромными для нас жертвами, с огромным напряжением сил.

– Каковы же эти причины?

– Двумя словами тут не ответишь. Многое объясняет историческая неизбежность ситуации. Сейчас, оглядываясь назад и тщательно все взвешивая, я твердо могу сказать: дело обороны страны в своих основных, главных чертах велось правильно. На протяжении многих лет в экономическом и социальном отношении делалось все или почти все, что возможно. А в период с 1939-го и до половины 1941 года народом и партией были приложены особые усилия для укрепления обороны, потребовавшей всех сил и средств.

Я вспоминаю те годы и поражаюсь, как много мы сделали. Развитая индустрия, колхозный строй, всеобщая грамотность, единство наций, высочайший патриотизм народа, руководство партии, готовой слить воедино фронт и тыл.

Это была великолепная основа обороноспособности гигантской страны. Но история отвела слишком небольшой отрезок мирного времени, для того чтобы все поставить на свое место. Многое мы начали правильно, но далеко не все успели завершить.

И в собственно военном отношении делалось много. После Гражданской войны мы не имели заводов, производящих танки, самолеты, средства связи. Война началась в момент коренной перестройки армии. Мы получили новейшее оружие. Но прославленные «катюши», танк Т-34, самолет-штурмовик и многое другое только-только осваивались. Перестраивалась и система обучения армии. Гитлер знал это и очень спешил…

А теперь давайте посмотрим на нашего противника. Немецкая армия была к этому времени намного лучше оснащена, лучше отмобилизована, чем наша, имела военный опыт, была опьянена победами. Боеспособность немецких солдат, их воспитание и выучка во всех родах войск были высокими, но особенно хорошо были подготовлены к войне танковые и авиационные части. Все это важно знать, чтобы иметь представление, с какой силой столкнулась наша армия.

Внезапность удара, конечно, тоже имела большое значение. В руки фашистской армии сразу попала стратегическая инициатива, и вырвать ее было очень и очень непросто.

Но при всех видимых победах отлаженная фашистская машина войны забуксовала. В гитлеровских штабах сразу это почувствовали. Вот что писал, например, генерал Курт Типпельскирх:

«Русские держались с неожиданной твердостью и упорством, даже когда их обходили и окружали. Этим они выигрывали время и стягивали для контрударов из глубины страны все новые резервы, которые к тому же были сильнее, чем это предполагалось. Противник показал совершенно невероятную способность к сопротивлению…»

Трезво сказано? Трезво и точно.

– Верховное командование направляло вас на самые напряженные и ответственные участки войны. Какие сражения в этой связи вы могли бы назвать?

– Оборона Ленинграда. Битва за Москву. Сталинградское сражение. Битва на Курской дуге. Белорусская операция в 1944 году. И конечно, сражение за Берлин. Этими операциями я или руководил, или по поручению Ставки совместно с командующими фронтами занимался их подготовкой.

– Какое из этих сражений вам больше всего запомнилось?

– Этот вопрос задают мне часто, и я всегда одинаково отвечаю: битва за Москву. Это был ответственный момент войны. *Я* принял командование фронтом в дни, когда фронт находился, по существу, в пригородах Москвы. Из Кремля до штаба фронта в Перхушкове мы доезжали на машине за час. Теперь даже трудно представить, как это близко. Бои шли в местах, куда теперь молодые москвичи ездят зимой на лыжах, а осенью за грибами…

Это были дни величайшего испытания. Опасность, нависшая над столицей, была велика. Пришлось эвакуировать в Сибирь и за Волгу важнейшие заводы, некоторые государственные учреждения, дипломатический корпус. Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главнокомандования. На защиту Москвы встали все, кто мог держать винтовку, лопату, кто мог стоять у станков, производивших боеприпасы.

Не помню, какого точно числа в штаб фронта позвонил Сталин:

– Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист. Я ответил:

– Москву удержим… На каждом из защитников Москвы лежала в те дни историческая ответственность.

Величие подвига под Москвой состоит в том, что силой мы немцев не превосходили. На столицу фашисты нацелили главный удар, сюда были брошены лучшие, отборные части. Нам важно было выстоять до подхода резервов, которые спешно перебрасывались с востока. Мы шли тогда на риск. На востоке у нас был тоже опасный сосед – Япония. Но иного выхода не было. Особенно остро мы чувствовали нехватку танков и боеприпасов. Теперь трудно поверить, но в конце боев под Москвой была установлена норма снарядов: один-два выстрела на орудие в сутки.

– Известно, как тяжела война. Скажите, Георгий Константинович, насколько физически трудна была обстановка лично для вас как командующего фронтом в битве за Москву?

– Я отвечу так же, как в 45-м году отвечал Эйзенхауэру. Битва за Москву была одинаково тяжела как для солдата, так и для командующего. В период самых ожесточенных боев (с 16 ноября до 8 декабря) мне приходилось спать не более двух часов в сутки. Чтобы как-то поддержать силы и способность работать, надо было делать короткие, но частые физические упражнения, пить крепкий кофе, иногда пробежать пятнадцать-двадцать минут на лыжах. Когда в сражении наступил перелом, я так крепко заснул, что меня не могли раз будить. Два раза звонил Сталин, ему отвечали: «Жуков спит, не можем его добудиться».

– Переломный момент войны – Сталинград. Как рождался замысел этой знаменательной операции?

– Замысел окружения армии Паулюса возник в результате сложившейся обстановки осенью 42-го года. Сталинград стал местом ожесточеннейшей битвы. По моему мнению, сравнить ее можно лишь с битвой за Москву.

Героическая стойкость нашей армии позволила подтянуть к Волге накопленные резервы, и удар по немецкой группировке в этом районе назрел. К этому времени наши командные кадры прошли суровую школу войны, многому научились. Среди них выявились талантливые люди. Очень возможно, что идея «котла» приходила в голову многим. Фактически же дело обстояло так.

При обсуждении в Ставке плана контрнаступления мы с Александром Михайловичем Василевским обратили внимание Верховного на возможность окружения немцев под Сталинградом. Это резко изменило бы стратегическую обстановку в нашу пользу. Сталин все внимательно выслушал и спросил: «А хватит ли сил?»

Через несколько дней после произведенных расчетов было доказано, что это лучший способ закончить битву под Сталинградом. Замысел немедленно начал осуществляться: подтягивались резервы, перемещались огромные силы трех фронтов, разведка добывала важнейшие сведения о противнике. Всей этой работой руководили Ставка и Генеральный штаб.

– Во время битвы под Сталинградом вам приходилось бывать в тех местах?

– С прорывом немцев на Волгу я был назначен заместителем Верховного Главнокомандующего и сразу (29 августа 1942 года) получил приказ вылететь в штаб Сталинградского фронта. Как представитель Ставки участвовал в подготовке контрнаступления.

Это требовало присутствия то в штабах наших армий под Сталинградом, то в Ставке в Москве…

– После Сталинградской битвы заметны были качественные изменения в армии?

– Конечно. После Сталинграда армия стала как закаленный клинок, способный сокрушить любую силу. Сражение на Курской дуге это великолепно подтвердило.

– Объясните, пожалуйста, смысл двух этих слов – «Курская дуга». Не все знают, что это значит.

– Слова эти вошли в обиход с лета 43-го года, когда фронт стабилизировался и в районе Курска образовался дугообразный выступ нашего фронта, подобный тому, как у немцев образовался выступ в сторону Волги у Сталинграда.

– Чем отличалось сражение под Курском от всех предыдущих?

– Я бы так сказал: преднамеренностью. Обе стороны заранее и длительное время готовились к сражению. Немцы полагали, что мы не догадываемся об их плане. Они ошиблись. После тщательного анализа стратегической обстановки и многих данных, добытых фронтовой и агентурной разведками, мы пришли к единодушному мнению: на Курской дуге немцы хотят взять реванш за сталинградское поражение. Но, разгадав планы немецкого командования, мы не уклонились от места, выбранного им для сражения. Некоторые разногласия у нас были только по одному пункту: обороняться или, выбрав время, нанести упреждающий удар? Тщательно все обсудив, решили, что прочная, глубокая (до 300 километров) оборона выгоднее. Обескровить врага и потом всеми силами перейти в наступление.

Пятьдесят дней длилось сражение. За всю историю войн это, несомненно, была самая крупная битва. На курских и орловских полях остались горы обожженного, исковерканного металла. Немцы потеряли тут около 1500 танков. Наши потери тоже были немалыми. Но мы одержали победу.

– Георгий Константинович, расскажите, пожалуйста, о Ставке Верховного Главнокомандования, об атмосфере работы Ставки.

– Ставка… Это был мозговой центр войны. Солдат видел маленький участок фронта и на нем вершил свое ратное дело. Ставка видела все в целом. Слово, произнесенное в Ставке, приводило в движение огромные армии. Нетрудно понять, как велика должна была быть мудрость любого решения, принятого в Ставке.

По мере надобности в Ставку вызывались командующие фронтами. Все крупные операции разрабатывались с их участием. В свою очередь, Ставка посылала своих представителей, облеченных высшими полномочиями, на решающие участки войны. Таким образом, Ставка максимально приближала себя к фронтам.

Последнее слово в Ставке было, конечно, за Верховным Главнокомандующим.

Приказы и распоряжения Верховного Главнокомандующего разрабатывались и принимались обычно в рабочем кабинете Сталина. В комнате по соседству стоял большой глобус и висели карты мира. В другой комнате стояли аппараты для связи с фронтами.

В Ставке часто бывали члены Государственного Комитета Обороны, руководители Генерального штаба, начальник тыла. Часто в Ставку приглашались конструкторы самолетов, танков и артиллерии, командующие фронтами.

Доклад в Ставке для каждого был делом очень ответственным. Сталин не терпел приблизительных и особенно преувеличенных данных, требовал предельной ясности. Со всеми он был одинаково строг. Но умел внимательно слушать, когда ему докладывали со знанием дела.

Почти всегда я видел Сталина спокойным и рассудительным. Но иногда он впадал в раздражение. В такие минуты объективность ему изменяла. Не много я знал людей, которые могли бы выдержать гнев Сталина и возражать ему. Но за долгие годы я убедился: Сталин вовсе не был человеком, с которым нельзя было спорить или даже твердо стоять на своем.

– Говорил ли с вами когда-нибудь Сталин о личности Гитлера?

– Я помню один разговор. Это было ночью под 1 мая 1945 года. Я позвонил Верховному из-под Берлина и сказал, что Гитлер покончил самоубийством. Сталин ответил:

«Доигрался, подлец. Жаль, что не удалось взять его живым…»

– Георгий Константинович, как вы ощущаете руководящую роль партии в войне?

– Войну мы не сумели бы выиграть и судьба нашей Родины могла бы сложиться иначе, если бы не было у нас цементирующей силы – партии. Все самое трудное, самое ответственное в войне в первую очередь ложилось на плечи коммунистов. А работа в тылу, организации промышленности! Я не могу без восхищения говорить об этой грандиозной работе, проделанной в самые трудные дни. За короткое время – с июня по ноябрь 41-го года – более полутора тысяч предприятий с территории, которой угрожала оккупация, были передвинуты на восток и вновь возвращены к жизни.

Нынешняя молодежь знает, что такое стройки и большие заводы. Так вот представьте, что авиационный завод в какие-нибудь месяц-два перевозился и начинал давать продукцию на новом месте. День и ночь шли эшелоны с оборудованием на восток. День и ночь с востока страны шли эшелоны с оружием и войсками. Весь этот гигантский кругооборот происходил с величайшим напряжением сил, массой неурядиц, неразберихи и столкновений, но совершался он безостановочно, все нарастая, подчиняясь руководящей и организующей силе.

И это только одно звено в ряду бесчисленных военных забот, которые партия взяла на свои плечи. Я горжусь, что вырос в этой партии.

– Всякая война неизбежно бывает войной умов. Что вы скажете в этом смысле о своих противниках в немецких штабах? Планируя операцию, учитывали вы характер военного мышления какой-либо конкретной личности?

– Знали немцы почерк наших командующих или нет, мне неизвестно. Что касается нас, то в начальный период войны о таких тонкостях речь идти не могла. На втором этапе войны соотношение уровней военного искусства противостоящих сторон начало выравниваться. А когда наши войска приобрели надлежащий опыт и советское командование получило в свое распоряжение нужное количество сил и средств, оно намного превзошло немецкое командование, особенно в решении стратегических задач.

Учитывали мы, планируя очередную операцию, конкретную личность противника? Это трудно принимать в расчет, потому что любую операцию готовит не один человек. Но, конечно, мы знали, что, например, Манштейн – человек смелый, решительный, Модель – расчетливый, а Кейтель – авантюрист. К концу войны общий уровень стратегического искусства в немецкой армии резко упал. Часто стало случаться: ждешь от противника сильного, выгодного для него хода, а он делает самый слабый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.